

Милые будни

Интерьер
и предметы домашнего обихода
в фотографиях и воспоминаниях
конца XIX – начала XX века

УДК 94(47)''18/19''(084/1)
ББК 63.3(2)5я6
Л13

ПРОЕКТ «СЕМЕЙНЫЕ АРХИВЫ»

**Выражаем искреннюю благодарность
за финансовую поддержку в издании книги
Людмиле Петровне Бельяниновой**

**Благодарим за предоставленные фотографии
Виктора Оттовича Штульмана**

Дизайн проекта «Семейные архивы» – Александр Архутик
Компьютерная верстка – Алексей Колганов
Сканирование, обработка фотографий и цветокоррекция – Александр Комаров

Лаврентьева Е.В.

Л13 **Милые будни:** Интерьер и предметы домашнего обихода в фотографиях и воспоминаниях конца XIX – начала XX века. – М.: Этерна, 2012. – 256 с.: ил. – (Проект «Семейные архивы»).

ISBN 978-5-480-00292-8

Альбом «Милые будни» продолжает тему повседневного быта конца XIX – начала XX века. На этот раз автор приглашает читателя на поиски «микроскопических радостей жизни». Множество мемуарной литературы посвящено внутреннему убранству дома. Обстановка домашнего очага не просто создавала настроение. Она формировала жизненные ценности, вызывала чувства, которые определяли дальнейшую судьбу того или иного члена семьи.

УДК 94(47)''18/19''(084/1)
ББК 63.3(2)5я6

Иллюстративно-художественное издание

Редактор – Н.В. Комарова
Корректоры – О.В. Круподер, В.А. Нэй

Подписано с готовых диапозитивов 4.06.2012
Формат 60х90/8. Гарнитура Surpriz
Печ. л. 32. Тираж 3000 экз.

ООО «Издательство «Этерна»
115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а
Тел./факс 755-81-23

**E-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru**

© Е.В. Лаврентьева, 2012
© Е.В. Лаврентьева, фотографии,
открытки, графика из личной
коллекции, 2012
© ООО «Издательство «Этерна»,
оформление, 2012

ISBN 978-5-480-00292-8

Содержание

Е.В. Лаврентьева. «**В доме были будни**»
5

Уют
8

Безделушки
24

Запахи дома
30

Окна
46

Печи
52

Уборка
58

**Кухонная утварь,
посуда и столовые приборы**
82

Гости и домочадцы
122

Домашние спектакли
124

В часы досуга
146

Женские рукоделия
158

Письменный стол
166

В детской
174

Иконы
188

Комнатные растения
194

Питомцы
204

Домашняя медицина
214

Средства гигиены
224

Новейшие изобретения
228

Артисты и артистки у себя дома
244

Е.В. Лаврентьева. «... **Вещи живут своей особой жизнью...**»
250

«В ДОМЕ БЫЛИ БУДНИ»

Ко мне не подходите с прежней меркой:
С тех пор минуло много-много лет...
Что называли раньше «бонбоньеркой»,
Теперь зовут коробкой для конфет.

Немыслимо, как изменились нравы.
И ночь сменяет день в другом режиме.
Вы оказались совершенно правы:
Во все века мы встретимся чужими.

Но тень надежды все-таки осталась,
Хотя Вы – там, а я – на прежнем месте.
Знакома Вам вселенская усталость?
Давайте с ней бороться будем вместе.

Я знаю, как схватить судьбу за жабры.
И знаю средство от душевной боли.
Хотите, будут в доме канделябры?
Хотите – жардиньерки? Жирандоли?..

Конфеты – в праздники,
по будням – хлеб насущный.
Вино домашнее. Удобная кровать.
Вы будете писать какой-то труд научный.
Я – рядом с Вами что-то вышивать.

В моем доме нет, увы, ни канделябров, ни жардиньерок, ни жирандолей. Зато много бабушкиных вышивок: разноцветный попугай на голубом фоне, букет цветов с бабочками, рыжий кот на подушке... Бархатная газетница, украшенная вышивкой, немного выцвела, но по-прежнему служит пристанищем для газет и журналов. «Применение женского труда в сфере создания уюта может быть бесконечно разнообразно». Мысль, высказанная прогрессивной дамой сто лет назад, не потеряла своей актуальности и в наше время. Если кто-то из засидевшихся допоздна гостей начинает оправдываться и извиняться передо мной, я незаметно подмигиваю бабушкиному попугаю и другим рукотворным созданиям, которых я давно уличила в магическом воздействии на гостей и домашних. «Каждый ищет приятных, ласкающих и успокаивающих впечатлений», – пишет все та же прогрессивная дама под кокетливым псевдонимом «Игрушечная Маркиза» в очерке «Красота в повседневной жизни» (Журнал для хозяек, №16, 1912).

Альбом «Милые будни» продолжает тему повседневного быта конца XIX – начала XX века (см. «Бездедюшки», Этерна, 1911). В этот раз мы приглашаем читателей не на театрализованное представление, а на охоту. На какую еще охоту, спросите вы. Охоту за «микроскопическими радостями жизни».

«Игрушечная Маркиза» любезно согласилась быть нашим проводником: «Попробуйте поставить за обедом посреди стола хорошую, красную розу в граненом стакане так, чтобы на нее падал солнечный луч. Сто раз ваши глаза остановятся на ней без всякой усталости, и всякий раз вы будете испытывать удовольствие при виде этих трех прекрасных предметов: солнечного луча, пурпура розы и блеска граненого стекла. Это пустяк! Но этот пустяк зажигает радость в сердце, наводит на веселые мысли. И что такое счастье, если не беспрерывный ряд удовольствий именно такого рода».

Моя мемуарная коллекция «повседневных мелочей», «пустяков», приносящих радость, началась давно, с чтения дневника писателя А.В. Дружинина: «Надобно уметь пользоваться микроскопическими радостями жизни, – и особенно хранить к ним способность. <...> Одна из причин, по которой я считаю себя счастливым человеком, есть именно умение тешить себя мелочами. Я отделяю свою комнату *con amore* <с любовью (итал.). – *Reg.*>, езжу в хорошей коляске с радостью, выпиваю какой-нибудь бокал шампанского с отрадным чувством. Все катастрофы и радостные события моей жизни, по временам вреда моей способности наслаждаться пустяками, не в силах разрушить ее вполне» (1853 г.).

Помню, с каким энтузиазмом я стала воплощать эту философию в жизнь. «Нужно наслаждаться едой», – проникновенно говорю я четырехлетнему сыну, за обе щеки уплетающему макароны по-флотски. Мои слова мальчик понял по-своему. После секундной паузы, он принялся вилкой выписывать в воздухе витиеватые вензеля, закатывая глаза «к небу». Так, по его разумению, должно было выглядеть истинное наслаждение едой. Сын мой вырос и стал собирать поваренные книги.

Я же не перестаю завидовать тем, кто по-настоящему умеет «тешить себя мелочами». Радуюсь знакомству со старым актером Леонидом Августовичем Борисовым на страницах воспоминаний Л.М. Леонидова: «Я всегда им любовался, как он умел смаковать всякую ерунду. Например, курит сигару, цена ей гривенник сажень, а курит ее, как самую дорогую гавану, причем как он ее обрезал, как обмусоливал губами, как закуривал, как откидывался в кресле, и в этот момент к нему не подходит. Он курит, он наслаждается, а около него от запаха вонючей сигары сидеть невозможно. Актер старинной школы».

Не знаю, как вы, дорогие читатели, а я порой сокрушаюсь от отсутствия артистизма во всех сферах нашей повседневной действительности. Полезное лекарство – начать преобразования в собственном жилище. «Нужно уметь сделать из “дома” такое место, которое могло бы свободно спорить по красоте и уюту со всяким другим, посещаемым вашими семейными».

Множество страниц мемуарной литературы конца XIX – начала XX века посвящено внутреннему убранству дома. Обстановка домашнего очага не просто создавала настроение. Она формировала жизненные ценности, вызывала чувства, которые определяли дальнейшую судьбу того или иного члена семьи. Эстетическая сторона повседневного быта оказывала огромное влияние на детское мироощущение. Об этом писали многие мемуаристы.

«Я пишу о чаепитии в “дубовой”, потому что для меня это было эстетическим впечатлением, воспоминание о котором сохранилось в душе. Красивая обстановка, картины на стенах, к которым после чая я подходила с особым чувством, сияясь при малом освещении разглядеть хоть нижние, изящная сервировка и уют жизни дружной семьи – все давало чувство довольства и покоя» (В.Н. Харузина. Прошлое).

«Хорошо, когда в детстве есть это чувство крепости жизни, в которой распускается новый молодой росток. И наш дом воспитывал во мне это чувство устойчивости моего мира. Это чувство дает душе особый моральный закал и воспитывает в ней верность...»

В доме детства выкристаллизовалось в душе какое-то крепкое ядро, которое послужило основой для всей последующей жизни» (Н.П. Анциферов. Из дум о былом).

Вещи, которые окружали ребенка, – особый мир, порой таинственный, но всегда одушевленный. М.В. Сабашникова вспоминает: «Еще одна странная идея меня занимала: я подозревала, что вещи не таковы, какими они нам кажутся; они вовсе не безжизненны, но только представляются, закрывают, так сказать, глаза в моем присутствии, а за моей спиной меняются; поэтому я старалась быстро обернуться, чтобы их «уличить»; но мне никак не удавалось захватить их врасплох, они тотчас же принимали свой обычный вид».

Среди «персонажей» этой книги немало предметов, назначение которых современному человеку покажется непонятным. К примеру, “пресса” для обжима пробок, мастикатор, зажим для салфетки... Многие из них – английского происхождения. В России английский товар пользовался повышенным спросом. По словам В. Набокова, в Петербурге «бесконечная череда удобных, добротных изделий, да всякие

ладные вещи для разных игр, да снедь текли к нам из Английского магазина на Невском».

В альбоме, который вы держите в руках, широко представлены материалы из многочисленных преискурантов того времени. Пока мне не встретились «живьем» терочка для кореньев, щипцы для папильоток, часы-пресс и др., довольствуюсь их графическим изображением.

Мне бы хотелось, чтобы мозаика, собранная мной из воспоминаний, фотографий, открыток, старых предметов, вдохновила читателя скрасить серые будни «микроскопическими радостями жизни». И тогда в вашем доме запахнет счастьем!

«В доме были будни. Вставали все очень рано, когда за синевато-черными окнами проступали и разливались пунцовые полосы утренней зари и пушистые стекла светлели понемногу, синели вверху.

В доме стучали печными дверцами. На кухне еще горела керосиновая жестяная лампа. Пахло самоваром и теплым хлебом» (А.Н. Толстой. Детство Никиты).

«В доме было шумно, весело и пахло счастьем» (Е.М. Шаврова. Жена цезаря (Рассказ)).

Однажды утром
ты признался мне,
Что время может быть
не быстротечно,
Что окажись мы
в сказочной стране –
Любовный трепет
ощущали б вечно.
Там не летит в Коммуну паровоз,
И не мелькают в памяти березки,
И в уши не бросается вопрос:
«У вас не будет лишней папироски?»
Там радость, счастье
льются через край.
Духовной пищи,
яств земных – достаток.
Оттуда, правда, нет дороги в рай –
Единственный, пожалуй, недостаток.
Давай не будем горевать о том,
Что снится нам со вторника на среду.
Для счастья нужно – солнце за окном.
И скатерть белоснежная к обеду.

Уют

Из коллекции В.О. Штульмана

Что такое уютъ дома? Богатство, роскошь, красное дерево, мраморъ, дорогие ковры и т. д.? Нѣтъ!—Часто, выйдя изъ квартиры очень богато обставленной и роскошной, мы говоримъ: „Какъ у нихъ все таки неуютно"! Следовательно не богатство, не деньги создаютъ уютъ. Наоборотъ, иной разъ попадешъ въ домъ, гдѣ видишь недостатокъ средствъ, вещей мало, все только самое необходимое, но зато въ каждой вещи чувствуется теплое отношеніе къ ней ея владѣльца; видно, что ни одна вещь не попала въ этотъ домъ случайно, а выбрана съ любовью и со вкусомъ.

Казалось бы не трудно обставить свою квартиру хорошо, имѣя много денегъ, а тѣмъ не менѣе сплошь да рядомъ мы видимъ, что и деньги не помогаютъ въ данномъ случаѣ, нужно что-то еще, нужно умѣніе, вкусъ и желаніе.

А. Зеленко. Уют средней квартиры
// Женская энциклопедия

Из коллекции В.О. Штульмана

Жил в Москве в то время полицейский врач Дмитрий Павлович Кувшинников. Он был женат на Софье Петровне. Жили они в казенной квартире, под самой каланчой одной из московских пожарных команд. Дмитрий Павлович с утра и до вечера исполнял свои служебные обязанности, а Софья Петровна в его отсутствие занималась живописью (некоторые ее картины, между прочим, находятся в Третьяковской галерее). Это была не особенно красивая, но интересная по своим дарованиям женщина. Она прекрасно одевалась, умея из кусочков сшить себе изящный туалет, и обладала счастливым даром придать красоту и уют даже самому унылому жилищу, похожему на сарай. Все у них в квартире казалось роскошным и изящным, а между тем вместо турецких диванов были поставлены ящики из-под мыла и на них положены матрацы под коврами. На окнах вместо занавесок были развешаны простые рыбацкие сети.

М.П. Чехов.
Вокруг Чехова. Встречи и впечатления

Закажите любому столяру самую простую раму на четырех ножках из некрашенного дерева; в горизонтальных брусках рамы велите провертеть отверстия около дюйма в диаметре на расстоянии четверти одного от другого. Сквозь эти отверстия протяните крепкую английскую бичевку. Получится сетка из бичевки. На эту сетку положите обыкновенный мочальный матрац стоимостью в 2 или 3 рубля. Затем накройте все жгутовым ковром (размер 3×5 аршин стоит 10—12 рублей) и набросайте подушек. Вы получите очень красивый диван, на котором будет сидеть почти также удобно, как и на пружинном, потому что веревочная сетка будет *пружинить*. Если у вас не хватает денег на ковер, его можно заменить куском бобрика, рядом или тонким войлоком, на котором расшить узор шнурком или сутажем.

Журнал для хозяек, № 19, 1913

Из коллекции В.О. Шульмана

Милые будни

Кромѣ драпировокъ немалую роль играютъ еще скатерти. Любой даже кухонный столъ, покрытый красивой скатертью (изъ свѣтлаго сукна или пеньковой матеріи, расшитой сутажемъ), будетъ наряднымъ и украшающимъ комнату. Скатерть изъ сукна съ вѣнкомъ цвѣтовъ, вышитыхъ настилкою, и обшитая по краямъ полою бархата, дастъ ласкающее глазъ пятно въ любой гостиной.

Драпировки, экраны, подушки, ковры, коврики, скатерти — именно они даютъ впечатлѣніе уюта и живописности въ комнатѣ и именно ихъ можетъ сдѣлать (съ очень ограниченными затратами) *каждая женщина своими руками*.

Красота повседневной жизни лежитъ въ скрытомъ видѣ въ рукахъ каждой женщины и отъ доброй воли женщины зависитъ дать ей реальную видимую форму!

Журнал для хозяек, № 19, 1913

Из коллекции В.О. Штульмана

Из коллекции В.О. Штульмана

Из коллекции В.О. Штульмана

Ковры. Коверъ, хорошій и большой, на полъ или на стѣну или на мягкую восточную тахту стоитъ очень дорого. Но гладкое ковровое сукно на полъ значительно дешевле и придаетъ кабинету или гостиной много уюта. Правда многіе высказываются противъ ковровъ изъ за ихъ негигіеничности, но если ихъ держать чисто и употреблять машинку для собиранія пыли, а не пускать въ ходъ метлу, то опасность отъ пыли значительно понижается. Красивый коверъ восточный или даже поддѣлки подъ гобеленъ сильно скрашиваетъ обстановку и придаетъ ей стильный характеръ.

Опасны лишь грубыя поддѣлки и яркія, кричащіе тона.

Подушки, покрытыя вышивками, кусочками ковровъ, деревенскимъ тканьемъ разбросанныя по диванамъ, кресламъ даютъ много уюта, какъ это показываютъ многія приложенныя картинки.

А. Зеленко. Уют средней квартиры
// Женская энциклопедия

Квартира наша по Мылъникову переулку не поражала богатой обстановкой. Я не запомнил картин, гравюр, украшавших стены комнат. Да и были ли они? Зато в кабинете отца стояли большие скульптурные фигуры (крашенный гипс?) работы знакомого художника С. Кавыкова, изображавшие Шляпина в роли Мефистофеля и Артема в роли Луки («На дне» М. Горького, МХТ). Значительно позднее, уже в советский период, я увидел эти фигуры в Театральном музее им. А.А. Бахрушина с аннотацией: «Автор неизвестен». Я назвал сотруднику музея автора скульптур, но мои слова не произвели на него должного впечатления, и скульптуры продолжали оставаться безымянными.

Б.И. Пуришев. Воспоминания старого москвича

Пусть подушка, брошенная на диванъ, непременно будетъ выдержана въ соответствующей гармоніи съ тономъ мебели или обоевъ, чтобы она не выдѣлялась фальшивымъ, кричащимъ пятномъ, также, какъ и коверъ подъ ногами. Особенно бойтесь плохихъ картинъ: онѣ слишкомъ навязчиво лѣзутъ въ глаза и невыносимо угнетаютъ хорошій вкусъ, а также дурно вліяютъ на молодое поколѣніе, равно какъ и обычный фабричный стиль-модернъ въ заурядной гостиной. Но еще хуже плохихъ картинъ плохая скульптура, чаще всего ея магазинный суррогатъ. Вещь совершенно неприемлемая и положительно кошмарная для маломальски развитого или просто кое что видавшего человѣка. Этотъ ужасный раскрашенный терракотъ, всевозможные неаполитанцы и цыганки, миньоны, гипсовые наполеоны и дѣвочки съ цвѣтами, все это не имѣетъ ни малѣйшаго родства, даже самаго отдаленнаго, съ подлиннымъ искусствомъ.

Г. Бурданов. Убранство квартиры
// Женская энциклопедия

И кабинет, и библиотека были очень уютны. Библиотека уставлена книжными шкафами красного дерева, перевезенными из Средникова, а кабинет – светлого дуба, с мебелью, обтянутой вышивкой работы матери моего отца. Над диваном, где сидела с работой мамá, большие портреты масляной краской родителей папá в дубовых рамах, а на другой стене, в такой же раме, очень хорошей работы картина: старуха вдевает нитку в иглу. Каждая морщина внимательного лица говорила о напряженном старанье. Папá очень любил эту картину и говорил мне, что это работа молодого, крайне талантливого, но, к сожалению, рано спившегося художника. Украшали еще кабинет подставеи с коллекцией старинных, длинных, до полу, трубок и целый ряд экзотических и старинных седел.

М.П. Бок. П.А. Столыпин. Воспоминания о моем отце

Дальше—картины.

Это самое больное мѣсто. Въ богатыхъ квартирахъ сплошь и рядомъ на стѣнахъ висить въ золоченыхъ дорогихъ рамахъ, такая убогая, такая жалкая, бездарная и безвкусная мазня, что смотрѣть противно..

Обыкновенная фотографія съ хорошей картины гораздо эстетичнѣе этихъ «сухаревскихъ» оригиналовъ.

У людей побѣднѣе, мѣсто такихъ картинъ занимаютъ — олеографіи, — преміи иллюстрированныхъ журналовъ, главный недостатокъ которыхъ, кромѣ ихъ нехудожественности, состоитъ въ томъ, что онѣ встрѣчаются буквально повсюду и намозолили глаза до отвращенія.

— Да что же вѣшать прикажите?— слышу я ироническій вопросъ— Рѣпина, Васнецова, Жуковского?— Дайте сначала денегъ для покупки настоящихъ картинъ.

На этотъ вопросъ я скажу, что это только нежеланіе подумать о своей обстановкѣ и поискать подходящихъ предметовъ.

Конечно, картины Рѣпина и Жуковского могутъ пріобрѣтать лишь рѣдкіе счастливыцы... Но хорошія гравюры или же художественныя литографіи, изданія извѣстныхъ заграничныхъ, напримѣръ, Лейпцигскихъ фирмъ, доступно всякому...

Журнал для хозяек, № 7, 1913

Милые будни

Если у вас на стенах висят портреты с фотографией ремесленной работы (увеличение) немедленно и без сожаления — выбросьте. Художественная фотография современная нам, достигла удивительных эффектов и не следует потому гоняться за принципом-дешево.

Фотографии с хороших портретов любимых писателей: маска Льва Толстого С. Меркурова, мыслителей, композиторов и общественных деятелей, а для более состоятельного круга-оригиналы: портреты семьи, заказанные лучшим современным художникам.

Г. Бурданов. Убранство квартиры
// Женская энциклопедия

В самом темном углу кабинета – большой портрет Толстого на смертном одре. Страшно исхудавший, со всклокоченной седой бородой, он лежит в ночной рубашке на кровати и смотрит прямо на дверь, через которую приходишь в кабинет. Его строгие, нечеловечески пронизательные глаза следят за мной, и я даже спиной чувствую их лихорадочный, какой-то безумный взгляд, когда поспешно прошмыгиваю в библиотеку.

В. Андреева. Эхо прошедшего

Из коллекции В.О. Штульмана

Из коллекции В.О. Штульмана

Портьеры и оконные драпри въ кабинетѣ должны быть тяжелыя, выдержанныя въ тонахъ обоевъ и мебели. Для подхватовъ идутъ толстыя плетеные жгуты съ кистями.

Надъ диваномъ стѣну можно украсить хорошимъ ковромъ. Это особенно красиво, если имѣется изящное старинное оружіе, которое декоративно развѣшивается на коврѣ.

Если хозяинъ кабинета любитъ охоту, можно украсить стѣны оленьими рогами и чучелами большихъ птицъ, но у людей, къ охотѣ не имѣющихъ никакого отношенія, такая декорація невольно вызываетъ улыбку, потому что кабинетъ, больше чѣмъ какая-либо другая комната, долженъ отражать характеръ и вкусы человѣка, для котораго онъ предназначенъ.

Настольная книга хозяйки

Кабинетъ въ домѣ Н. Прохорова (Москва).

Кабинетъ М. Г. Ноганъ, въ Москвѣ.

Из коллекции В.О. Шульмана

Одному из авторов удалось побывать, правда, не в петербургской квартире, но в имении одной из богатых, очень интеллигентных аристократических семей...

С трепетом вхожу в дом. Но что это? Там так уютно, роскошные вещи так приспособлены служению людям, так все стоит на месте, кресла протягивают вам подлокотники, приглашая сесть, шкура белого медведя разостлана, чтобы окунуть в ее шерсть пальцы, к тому же на ней бесцеремонно растянулась собака, все так искусно устроено для удобства, уюта, а не напоказ, что роскоши не замечаешь, она проста. Не блестят на столе серебряные сухарницы, потемневшие от древности или с чернью (чистить не приказано), не блестит старинное золото колец на руках дам, блестят только белоснежная скатерть да салфетки. Вокруг стола – приветливые лица хозяев и гостей. Мать Сережи, обратившись к сыну по-английски, как обычно, сразу же переходит, видя мое смущение, на русский – я представлен как друг Сережи всем присутствующим. А подойти мне предлагается только к его бабушке, худенькой старушке в черном, с наколкой на темени, протянувшей для поцелуя свою маленькую ручку с такой приветливой улыбкой, что я свободно вздохнул, оглянулся на всех и вся оторопь вмиг куда-то слетела, осталось ощущение свободы и радостного дыхания от доброго чувства к Сереже и ко всем его близким.

Д. Засосов, В. Пызин.

Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX–XX веков

Здесь на фоне желто-золотистых стен, всегда, в любую погоду, как будто освещенных солнцем, темнели красным деревом буфет, горка со старым фарфором и стулья. В следующей комнате – собственно гостиной моей крестной, – такой же светлой и радостной, как и столовая, стояли так же, как и там, все старые любимые вещи. Диван, на котором она всегда сидела, и кресла, придвинутые к преддиванному столу, были камышовые, такие, что ставят на террасах и в саду на даче. Только на сиденьях их лежали пуховые подушки в голубых шелковых чехлах, такие же подушки были привязаны шнурками и к спинкам.

Не из бедности, конечно, стояла такая мебель. Потом, когда я сидел в этих креслах, слушая рассказы замечательной старухи, уже в Грузинах, я их оценил. Такая мебель – эластичная, подвижная – легко следует движениям сидящего, меняющего позу, и как бы сама приспосабливается к положению его тела. Почти так же ведет себя хорошая старая деревянная мебель, в которой от долгой жизни с человеком вырабатывается подвижность и приспособленность к человеческому телу.

*В.М. Конашевич.
О себе и своем деле*

Из коллекции В.О. Штульмана

Из коллекции В.О. Штульмана

Я, например, с отчетливостью помню появление первых электрических лампочек. Это были не такого типа лампы, какие мы видим теперь – разом зажигающиеся в наивысшей силе света, а медленно, постепенно достигающие той силы свечения, которая была им положена. Как будто так... Возможно, я путаюсь в воспоминаниях, и на память мне приходит не домашняя лампа, а какая-то иная, увиденная мною в ту пору; пожалуй, домашние лампы уже в самую раннюю эпоху своего появления были так называемыми экономическими – то есть загорающимися сразу.

Во всяком случае, я помню толпы соседей, приходивших к нам из других квартир смотреть, как горит электрическая лампа.

Она висела над столом в столовой. Никакого абажура не было, лампа была ввинчена в патрон посреди белого диска, который служил отражателем, усилителем света. Надо сказать, весь прибор был сделан неплохо, с индустриальным щегольством. При помощи не

менее изящно сделанного блока и хорошего зеленого, круто сплетенного шнура лампу, взяв за диск, можно было поднять и опустить. Свет, конечно, светил голо, резко, как теперь в какой-нибудь проходной будке.

Но это был новый, невиданный свет! Это было то, что называли тогда малознакомым, удивительным, малопонятным словом – электричество! Звук шнура, бегущего по блоку, легко мне до сих пор восстановить в ухе. До сих пор легко мне увидеть с десятков лиц, поднятых кверху, и взгляды, устремленные к светящемуся центру, к испускающей свет стеклянной груше под

потолком.

И строжайший запрет мне: не поворачивать то и дело выключатель!

Он, как и теперь, черный, среди обоев. Но дети сейчас совершенно равнодушны к нему, и нельзя себе представить ребенка, которому захочется то и дело поворачивать выключатель.

Ю. Олеша.

Ни дня без строчки

Из коллекции В.О. Штульмана

Из коллекции В.О. Штульмана

Из зрительных сильнее других действуют на настроения световые эффекты и потому нужно очень внимательно относиться к освещению.

Никогда не ставьте себя в „интимную“ комнату лампы под зеленым абажуром. Зеленый абажур, принятый всюду в кабинетах, конторах, канцеляриях, сразу и безповоротно создает трезвое „дыловое“ настроение, в котором нет места ни где, мечтам, страсти.

Не вешайте также розового фонаря. Мне многие мужчины говорили, что розовый фонарь—необходимая принадлежность будуаров низкопробных „этих дам“. А совсем не интересно, если ваша обстановка будет вызывать такую ассоциацию мыслей, тогда у мужчины может создаться весьма „непочтительное“ к вам настроение.

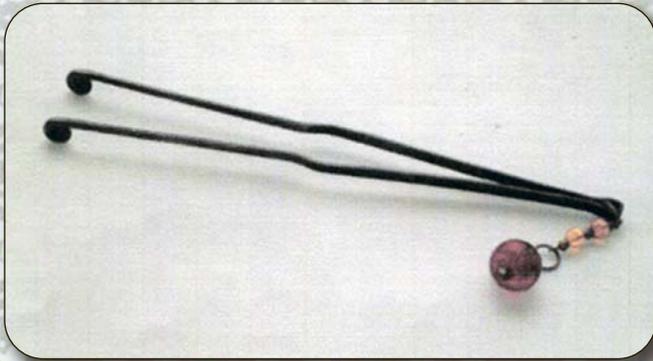
Белый, яркий свет тоже нехорош, при нем не создается уюта, будет „уличное“, „общественное“ настроение.

Свет под темно-красным абажуром хорош для тихих, дружеских бесед, интимных излияний, для сближения, для создания настроения теплоты, и задушевности.

Но большая ошибка думать, что темно-красный свет издает настроение страсти.

Для настроения нежности, близости духовной, хороша полутьма, каминь, или просто голландская печка и догорающие в ней дрова, красноватые отсветы, мерцающие по стенам, и окна без ставень, и глядящая в них синяя морозная ночь или свет уличных электрических фонарей, что дает такой хороший контраст холода снаружи и тепла внутри.

Журнал для хозяек, № 10, 1913

Щипцы для тушения свечи

Тетя Маша <М.Н. Толстая, сестра Л.Н. Толстого. – *Ред.*> всегда вечером работала и читала исключительно при свечах, считая всякое другое освещение вредным для глаз.

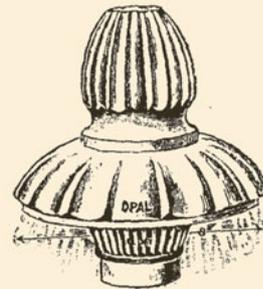
М.С. Бибикина. В семье Толстых

Из коллекции В.О. Шульмана

НОВЫЙ ТИПЪ ЛАМПОВАГО АБАЖУРА

Съ тѣхъ поръ, какъ фیزیологи и врачи точнѣе изслѣдовали вліяніе свѣта на глаза, техники съ своей стороны стали прилагать старанія къ удовлетворенію требованій гигиены при освѣщеніи. При этомъ признали, что наилучшими лампами являются такія, въ которыхъ свѣтъ получается разсѣянный. Для достиженія этого, начали примѣнять разнаго рода

Новый типъ ламповаго абажура.

абажуры. Самый послѣдній и наиболѣе усовершенствованный типъ подобныхъ абажуровъ «опаль», изобрѣтенный въ Англіи. Онъ состоитъ изъ отдѣльныхъ стеклянныхъ призмъ, рассчитанныхъ такъ, чтобы распредѣлить свѣтъ равномерно по всей комнатѣ. Въ одномъ мѣстѣ абажура находится увеличительная чечевица, направляющая внизъ параллельный пучокъ лучей. Другая чечевица отбрасываетъ свѣтъ вверхъ. Благодаря чечевицамъ, свѣтъ проникаетъ такимъ образомъ вверхъ и внизъ, и преломляясь въ призмахъ, равномерно распредѣляется по сторонамъ.

Для настроенія фантастической сказки, мечты, полета на коврѣ самолетѣ, очень хороши венеціанскіе фонари съ разноцвѣтными стеклами, знаете, съ массой граненыхъ, разноцвѣтныхъ стеколь, отъ которыхъ вся комната кажется полной неуловимыхъ призраковъ и вы сама, въ зависимости отъ перемѣны мѣста, мѣняете видъ и цвѣтъ.

Платье у васъ, то бѣлое, то розовое, то зеленое, лицо то ярко освѣщенное, то затѣненное, и вы вся, точно сказочная фея, неуловимая, мѣняющаяся, переливающаяся тысячами оттѣнковъ.

Слышу, какъ меня спрашиваютъ:— ну, а для страсти, для настроенія страсти, какое освѣщеніе?...— И рѣшительно отвѣчаю:— Никакого!—

— Только темнота! Абсолютная темнота! Черная, глубокая, бархатная, горячая тьма, въ которой ничего не видно, и въ которой кажется, что вы летите въ бездонную пропасть, и отъ этого паденія захватываетъ духъ и кружится голова, а изъ бездны вѣетъ вамъ въ лицо горячимъ дыханіемъ невиднаго пожара!

Журнал для хозяек, № 10, 1913

Из коллекции В.О. Штульмана

Милые будни

Муж Лизы оказался очень милым и добродушным человеком с брюшком и лысиной, не очень молодым, не очень умным, но веселым и приятнейшим. Сама Лиза, методичная, аккуратная, хозяйственная и заботливая, сразу создала себе ту жизнь, которая была ей нужна: очаг, семью, любящего мужа, удобную квартиру, полную уюта, салфеточек, недорогих картин и покойного быта... Не только сама приготавливала кофе, но целый час перед обедом не выходила из кухни, помогая кухарке и оживленно с ней беседуя. Белье прачке она сдавала, отмечая его цифрами на готовом печатном блокноте, а себе оставляя копию. Неизвестно, как и когда она успела усвоить все познания хорошей хозяйки, начиная с десяти различных подливок к двадцати различным блюдам и кончая средством излечивать насморк, когда он еще не успел перейти из периода чиханья в период пота...

На наволочках были вышиты гладью ее буквы – по девической фамилии, – хотя я знал, что приданого мама ей не заготовила: Лиза вышла замуж внезапно и не из дому. Очевидно, все это было сделано самой Лизой после, но по правилам хорошего быта.

М. Осоргин. Повесть о сестре

Из коллекции В.О. Штульмана

Если хозяйка не будет заглядывать въ жильѣ прислуги, тамъ заведутся не только грязь, пыль, беспорядокъ, но можетъ быть и такія наськомья, которыя могутъ быть неприятны и опасны и для всей семьи.

Небольшой уголокъ, отведенный прислугѣ, надо тоже взять подъ контроль хозяйки.

Она должна помочь прислугѣ, чтобы обставить все по красивѣе. Она можетъ дать красивую занавѣсочку на окно, дать пару картинокъ для стѣнъ, а главное, позаботиться о томъ, чтобы для платья, для обуви, для вещей было помѣщеніе, чтобы все не валялось подъ кроватью. Необходимъ кромѣ того хоть небольшой столикъ, гдѣ можно поставить и зеркальце и туалетныя принадлежности. Квасъ и деревянное масло въ качествѣ косметикъ уже вышли изъ употребленія и у нашихъ прислугъ.

А. Зеленко. Уют средней квартиры // Женская энциклопедия

Безделушки

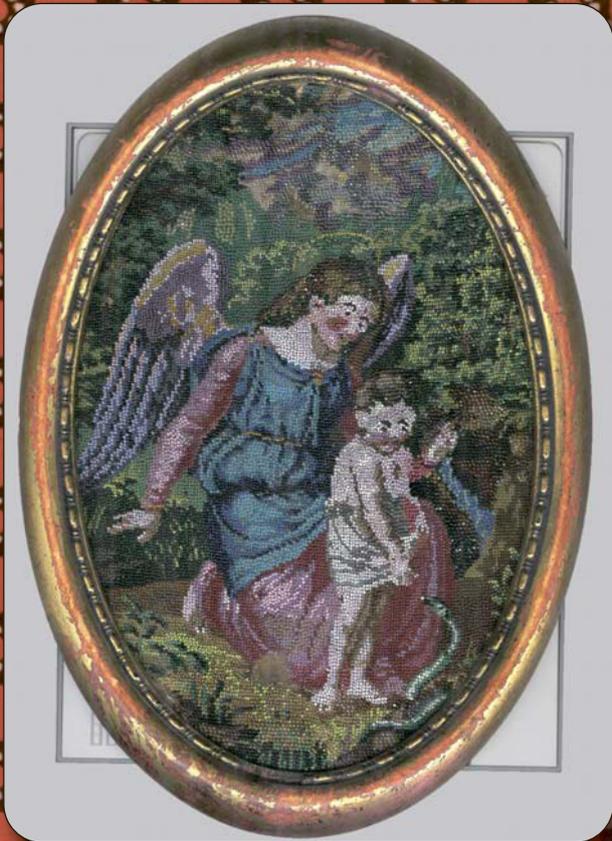

Из коллекции В.О. Штульмана

Старинных мелочей и безделушек, наследие дедов и бабок, разбросано было по нашей квартире достаточно: шитые шелками и гарусом подушки на диванах, такие же коврики, бисерные картинки на стенах, шитые бисером коробки и футляры для стаканов. Среди всего этого старья больше всего меня привлекали всегда огромная пенковая трубка с длинным бисерным чубуком и серебряный кубок с портретом польского короля Сигизмунда III, по семейному преданию принадлежавший далекому предку, украинскому гетману Петру Конашевичу-Сагайдачному. Этот кубок стоял всегда полный папирос или сигар на отцовском письменном столе.

*В.М. Конашевич.
О себе и своем деле*

Милые будни

Гостиная была черного дерева, обитая синим шелковым штофом, стены затянуты тем же шелком. Нам, детям, эти шелковые стены казались верхом красоты и пышности. Столы черного дерева покрыты плюшевыми скатертями, бахрома которых спускалась до пола. Пол затянут сплошь светло-серым ковром, на подзеркальнике часы розового фарфора с изображением пышных дам в широкополых соломенных шляпах. Около них стояли безделушки из того же фарфора – какие-то тарелочки, вазочки неизвестно для какого употребления. Освещалась эта гостиная канделябрами и люстрами такого же розового фарфора.

*Е.А. Андреева-Бальмонт.
Воспоминания*

Из коллекции В.О. Шульмана

Из коллекции В.О. Шульмана